

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета
ул. Ляпунова, 3, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: zuev@lab.nsu.ru; khaldeus@academ.org

АРМЕЙСКИЕ РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ В СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ДИСЛОКАЦИЯ *

На основе обширного круга архивных источников и литературы впервые в историографии дается аналитический обзор численности, состава и дислокации частей регулярной армии на территории Сибири, выявляются факторы, определявшие их динамику на протяжении XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: российская армия, Сибирь, XVIII век.

История любого государства немислима без истории его вооруженных сил. Российское государство и российский социум со времен образования и разрастания Великого княжества Московского отличались сильной милитаризацией. Процесс расширения территории Московской Руси – Российской империи на протяжении XIV–XIX вв., увеличение в связи с этим протяженности открытых границ, незащищенных морями и горами, встречные притязания на земли, занимаемые Россией, со стороны соседних государств обусловили огромное значение вооруженных сил – сначала служилого войска, затем регулярной армии – в системе российской государственности.

История российской регулярной армии XVIII в. изучается давно и плодотворно. В последнее время наблюдается повышенный интерес к этой теме, о чем свидетельствует появление не только интересных монографий, написанных на основе новых архивных материалов, но и большого количества интернет-сайтов, посвященных истории российских вооруженных сил. Однако в

«армейской» теме всегда преобладал и господствует до сих «европейский» ракурс исследований: история армейских частей, дислоцированных в европейской России, участие армии в военных действиях на западном (европейском) и южном (турецком и кавказском) направлениях. Сибирская же проблематика в историографии регулярной армии разработана крайне слабо. На сегодняшний день она представлена редкими статьями, брошюрами и монографиями, освещающими историю отдельных сибирских армейских подразделений [Кауфман, 2003; Кузнецов, 2003; Демин, 2010; Дмитриев, 2011б], частей [Висковатов, 1854; Альбовский, 1902; Материалы..., 1896; Крылов, 1911; Алферьев, 1911; 1914; Дмитриев, 1896; Плескановский, 1887; Соколовский, 1911] и соединений [Огурцов, 1989; Меншиков, 1994; Зуев, 2003; Малолетко, 2001; Фабрика, 2001; Дмитриев, 2011а], особенности их комплектования [Дмитриев, 2009; 2010], а также – применительно к ряду сибирских территорий – роль и значение армейского фактора в системе местного

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № П364.

управления [Пережогин, 2005; Пузанов, 1999] и в формировании социальной структуры сибирского общества [Быконя, 1985; Исупов, 2000; Акишин, 2005]. Единственным исключением являются исследования С. В. Андрейчука, посвященные истории Сибирского корпуса на протяжении второй половины XVIII в., в которых рассмотрены внутренняя структура, численность и расположение сибирских воинских частей [2010; 2011]. Кроме того, отрывочные сведения о численности, составе, дислокации и функциях армейских частей содержатся в трудах по истории Сибири, ее регионов, сибирского казачества, внешней политики и формирования границ России на южно-сибирских рубежах и, наконец, в справочных материалах, выложенных на интернет-сайтах. По сути, единственным исследованием, из которого можно почерпнуть обобщенные сведения о частях регулярной армии, дислоцированных в Сибири в XVIII в., остается до сих пор многотомное «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», составленное А. В. Висковатовым и И. Г. Бибиковым и изданное первый раз в 1841–1862 гг.¹ Другой фундаментальный труд – «Столетие Военного министерства», содержащий обширную информацию о различных родах войск и структуре управления ими, – в описании истории армейских частей в Сибири отличается крайней скупостью и фрагментарностью [Столетие..., 1902. С. 39, 40, 168, 206, 265, 302, 303].

В целом приходится констатировать, что на сегодняшний день в историографии имеется весьма смутное представление о процессе формирования и функционирования регулярных войск на территории Сибири, их комплектовании, управленческой структуре, материальном снабжении, вкладе в хозяйственное освоение и т. д. Более того, остается непонятным, какую реально роль играли регулярные части в восточных регионах империи. Все эти вопросы требуют изучения. И для этого имеется обширная источниковая база: в центральных и местных сибирских архивах хранится огромное количество делопроизводственной документации, которая позволяет раскрыть основные аспекты обозначенной нами темы.

¹ Это первое издание сразу же стало библиографической редкостью. Поэтому исследователи пользуются переизданиями: [Висковатов, 1899–1902; 2007–2008].

В данной статье, синтезируя сведения, извлеченные из архивных источников и научной литературы, мы предполагаем ответить на вопрос: как и вследствие каких обстоятельств менялись состав, дислокация и общая численность регулярных частей в Сибири на протяжении XVIII – начала XIX в., т. е. с петровских реформ, когда за Уралом появились первые регулярные части, до 1810-х гг. – до вывода из Сибири регулярных полевых полков и реорганизации местной структуры вооруженных сил (создания Сибирского линейного казачьего войска, корпуса внутренней стражи, этапных команд и т. д.).

До начала XVIII в. вооруженные силы России в Сибири были представлены в основном служилыми людьми. Предпринятая в первой половине 1660-х гг. попытка создать в Западной Сибири полки «нового строя» – солдатский и рейтарский – успеха не имела. К концу 1660-х гг. был расформирован солдатский полк, а из рейтарского осталось всего три роты, окончательно ликвидированные в 1678 г. Созданный к 1670 г. драгунский полк, фактическая численность которого далеко не достигала штатного расписания, просуществовал до 1689 г., когда драгуны были переведены в беломестные казаки. В 1698 г., уже в рамках военной реформы Петра I, этот полк был восстановлен (по царскому указу от 22 декабря 1697 г.). Имея штатную численность в одну тысячу человек, драгуны размещались по одной роте в каждой из 10 слобод Тобольского уезда [Дмитриев, 2008; Пузанов, 2010. С. 334–373]. Полк не имел официального наименования, хотя в исторической литературе называется то Тобольским, то Сибирским.

В первой четверти XVIII в. в ходе строительства регулярной армии ее полки стали подразделяться на полевые и гарнизонные, тогда же было сформировано несколько пехотных и драгунских полков, получивших «сибирские» наименования – Тобольский солдатский, Тобольский гарнизонный солдатский, Сибирский солдатский, Тобольский драгунский, Енисейский драгунский, Сибирский драгунский [Рабинович, 1977. С. 35, 47, 72, 87, 91, 98]. Однако собственно к Сибири они не имели отношения, поскольку формировались и дислоцировались в европейской части страны. В то время за Уралом из состава регулярной армии нахо-

дился лишь упомянутый выше драгунский полк, причисленный в 1711 г. к разряду гарнизонных и поименованный Сибирским [Дмитриев, 2008. С. 196]. Правда, он сохранял ряд параметров, присущих прежним полкам «нового строя», и в собственно регулярный был реорганизован к середине 1720-х гг. [Дмитриев, 2005. С. 35; Пузанов, 2000. С. 71, 72; Акишин, 1996. С. 10]. В бытность сибирским губернатором М. П. Гагарина (1711–1719 гг.) из состава полка две роты выделялись в особый губернаторский «шквдрон»².

По штатному расписанию регулярной армии 1720 г. на Сибирскую губернию пришлось три двухбатальонных гарнизонных пехотных полка³ – Санкт-Петербургский, Московский, Тобольский и один 10-ротный гарнизонный драгунский – Сибирский. Последний уже находился в Тобольском уезде, а пехотные полки прибыли в Сибирь, вероятно, в 1724 г. В это время во всех четырех полках насчитывалось около 5 тыс. чел. В 1727 г. пехотные полки были переименованы: Санкт-Петербургский – в Тобольский, Московский – в Енисейский, Тобольский – в Якутский. Два первых оставлены в Западной Сибири, а Якутский полк в том же году расквартирован в Забайкалье. Вместе с ним туда же прибыли одна рота Сибирского драгунского полка и две роты Екатеринбургской горной стражи (всего около 1,5 тыс. чел.)⁴ [Русско-китайские..., 1990. С. 128, 534; Рабинович, 1977. С. 70, 72; Быконя, 1985. С. 174, 195; Огурцов, 1989. С. 22].

В начале 1730-х гг. регулярные полки дислоцировались следующим образом. В Западной Сибири квартировали Сибирский драгунский, Тобольский и Енисейский пехотные полки. Из Сибирского полка 8 рот находилось в крепостях и форпостах Иртышской пограничной линии, по одной роте – в Забайкалье и Екатеринбурге. Из пехотных полков (списочный состав на 1732 г. – 2 619 чел. солдат и офицеров) по одной роте стояло в Кунгуре и Екатеринбурге, две – в Томске, 7 рот – на Иртышской линии в Ямышевской, Омской, Железинской, Семи-

палатной, Усть-Каменогорской крепостях и по форпостам (в 1732 г. – 681, в 1734 г. – 768 чел.), остальные роты значились при Тобольске⁵. Якутский полк (в конце 1733 г. – 1 289 чел.) стоял в Забайкалье, его подразделения (роты или капральства) находились в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске, Кяхтинском и Цурухайтуевском пограничных форпостах, на территории Нерчинских заводов и рудников. Охрану последних несли также две роты Екатеринбургской горной стражи⁶ [Зуев, 1994. С. 15]. К 1735 г. из Якутского полка одна рота была переведена в Кузнецк⁷, более роты (145 офицеров и солдат) – на Камчатку [Зуев, 2003. С. 89]. Общая численность регулярных частей в Сибири в начале 1730-х гг. составляла около 5,8 тыс. человек.

В 1730 г. командир Якутского полка И. Д. Бухольц поднял вопрос об увеличении вооруженных сил в Забайкалье путем перевода туда еще двух полков – драгунского и пехотного. Это предложение поддержал иркутский вице-губернатор А. И. Жолобов. Но сибирский губернатор А. Л. Плещеев выступил против, полагая, что забайкальская граница в дополнительных силах не нуждается, «понеже с китайцами состоит мир»⁸. Губернатора больше беспокоила ситуация на юге Западной Сибири. В 1731–1736 гг. Сибирская губернская канцелярия в связи с восстанием башкир, набегами киргизкайсаков (казахов), а также ввиду возможного столкновения с Джунгарией неоднократно обращалась в Петербург с просьбой прислать в Сибирь несколько драгунских полков для усиления обороны западно-сибирской границы. Однако правительство, озабоченное в то время серьезными проблемами реорганизации и финансирования армии⁹, после длительной переписки с сибирским губернатором и обсуждения вопроса в Сенате, коллегиях иностранных и военных дел, решило ограничиться формированием одного 10-ротного драгунского полка и одного пехотного батальона. В соответствии с

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2251. Л. 357.

³ На протяжении XVIII в. согласно армейским штатам в каждом пехотном батальоне насчитывалось 4 роты. См.: [Бескровный, 1958; Леонов, Ульянов, 1995].

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 277.

⁵ Там же. Л. 277 об., 279, 306; Кн. 500. Л. 17 об., 18, 112.

⁶ Там же. Кн. 472. Л. 277 об.; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 429. Л. 149; Оп. 8. Кн. 500. Л. 17 об.

⁸ Там же. Оп. 8. Кн. 500. Л. 166 – 167 об. См. также: Там же. Кн. 472. Л. 277 об., 278 об., 279, 327.

⁹ О правительственной политике в отношении армии в 1730–1735 гг. см.: [Петрухинцев, 2001].

резолюцией Кабинета министров от 7 сентября 1736 г., наложенной на доклад Сената, эти части должны были комплектоваться в самой Сибири «ис тамошних дворян и казаков и из их детей». По расписанию Сибирского приказа от 25 ноября 1737 г. в полк и батальон предполагалось набрать 1 866 чел. из сибирских служилых людей. Но с комплектованием возникли серьезные проблемы, в основном из-за позиции иркутских провинциальных властей, не пожелавших сокращать казачий контингент в Иркутской провинции. К сентябрю 1738 г. в Тобольск удалось собрать всего 919 чел. После очередных обсуждений, в соответствии с решением Кабинета министров от 15 июля 1740 г., в дополнение к «дворянским и казачьим детям» стали набирать «доимочных рекрут»¹⁰ [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 9. № 7051. С. 924–925; Т. 10. № 7261. С. 155; Международные отношения..., 1989. С. 282–284; Огурцов, 1993; Зуев, 2007]. Сформированные таким образом части получили наименование «Новоучрежденный драгунский полк» и «Новоучрежденный пехотный батальон». Полк был дислоцирован на Иртышской линии (но одна рота драгунского полка до 1750-х гг. размещалась в Красноярске [Быконя и др., 1990. С. 67]). Батальон сначала отправили прикрывать оренбургскую границу со степью, но в 1743 г. также перевели на Иртышскую линию. По состоянию на октябрь 1745 г. в гарнизонных частях, расположенных в Западной Сибири, числилось 4 977 чел., в том числе в Тобольском полку – 1 330, Енисейском – 869, в Новоучрежденном батальоне – 425, в Сибирском драгунском полку – 1 169, Новоучрежденном драгунском – 1 184 чел. [Потанин, 1867. С. 35].

Сохранявшиеся напряженные отношения с Джунгарией и обострение в целом с конца 1730-х гг. международного положения в Центральной Азии заставили все же российское правительство принять меры по укреплению западно-сибирской границы. Во второй половине 1740-х – 1750-х гг. реконструируется Иртышская, строятся Новая Сибирская (Пресногорьковская), Колыванская и Кузнецкая линии. В 1745 г. в Западную Сибирь на пограничные линии из европейской части

страны переводят два полевых двухбатальонных пехотных (Ширванский, Нотебургский) и три полевых 10-ротных драгунских (Луцкий, Вологодский, Олонецкий) полка [Дмитриев, 2011а; 2011б].

В результате в Сибири теперь располагались 5 драгунских полков, 5 пехотных полков (с 1747 г. в каждом полевом полку стало не два, а три батальона) и один пехотный батальон. В том же 1745 г. из регулярных и иррегулярных войск, расположенных на пограничных линиях Западной Сибири, образуется Сибирский корпус. С конца 1740-х гг. для подавления сопротивления «немирных» чукчей и коряков началась массовая отправка солдат и офицеров из сибирских полков на крайний северо-восток Сибири: преимущественно в Анадырскую партию, а также в Охотск и на Камчатку [Зуев, 2003. С. 94–97].

К середине 1750-х гг. Сибирский, Новоучрежденный, Луцкий, Вологодский, Олонецкий драгунские полки, Тобольский, Енисейский пехотные полки и Новоучрежденный батальон дислоцировались в Тобольске, Тобольском подгородном и Краснослободском дистриктах, Тюмени, Туринском уезде и на западно-сибирских пограничных линиях. Нотебургский и Ширванский пехотные полки к 1754 г. уже были выведены из Сибири в Казанскую губернию [Андрейчук, 2011. С. 39]. По «расписанию» от 27 мая 1754 г. на Кузнецкой и Колыванской линиях, в том числе на охране алтайских заводов и рудников, находились Новоучрежденный драгунский полк, команды Новоучрежденного батальона, Тобольского и Енисейского полков (всего 1 704 военнослужащих нижних чинов), на Иртышской – Луцкий и Сибирский драгунские полки (1 388), на Новой Сибирской – Вологодский и Олонецкий драгунские полки (1 428), на старых Тарской, Ишимской и Тобольской линиях – команды Луцкого и Вологодского полков (108)¹¹ [Пережогин, 2005. С. 89].

В Забайкалье к этому времени по-прежнему стояли Якутский полк и два капральства Екатеринбургской горной стражи, а рота Сибирского драгунского полка была выведена в Западную Сибирь. Горная стража несла службу на Нерчинских заводах и рудниках, полк был разбросан отдельными командами по Селенгинскому и Нерчин-

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 472. Л. 277 об., 279, 306, 328, 328 об., 331, 331 об., 340, 341 об., 344, 345; Кн. 500. Л. 1 – 194 об., 203, 204, 314 – 325 об., 365.

¹¹ АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/2. Д. 1. Л. 113–120.

скому уездам, в том числе, по данным «смотрового списка» полка за 1755 г., три роты – в Селенгинске и Петропавловской крепости, две роты – в Троицко-Савской крепости и на Кяхтинском форпосту, по полуроте – в Нерчинске и на Цурухайтуевском форпосту и около двух рот – пограничным караулам. При этом более трети солдат и офицеров Якутского полка (433 из 1 158) в 1755 г. находилось в дальних командировках, из них: в Иркутске – 62, на северо-востоке Сибири – 297, в том числе в Анадырской партии – 96, в Охотске и Ямском остроге – 46, на Камчатке – 120¹² [Зуев, 1994. С. 20; Быконя, 1985. С. 178–180]. В 1755 г. командир полка и начальник Селенгинской пограничной канцелярии В. В. Якоби добился от правительства реорганизации своего полка: полковые чины, находившиеся в северо-восточных районах Сибири, были исключены из состава полка, который вместо них был доукомплектован рекрутами и доведен до трехбатальонного состава¹³ [Висковатов, 1899. Ч. 3. С. 18]. К середине 1750-х гг. в забайкальских крепостях, расположенных вблизи или на пограничных линиях, появились артиллерийские команды¹⁴.

Инициатива В. В. Якоби привела к реструктуризации регулярных войск, находившихся в Анадырско-Охотско-Камчатском крае. С начала 1730-х гг. там оперировала Анадырская партия, созданная для подчинения чукчей и коряков. До конца 1740-х гг. она состояла в основном из казаков, а затем, как упоминалось, стала усиленно пополняться офицерами и солдатами. В 1751–1753 гг. таковых в ней числилось от 150 до 200 чел. (из Тобольского, Енисейского и Якутского пехотных полков и Новоучрежденного пехотного батальона)¹⁵. Кроме них, службу в Якутском крае несли чины Вологодского и Ширванского полков. В 1755 г. одновременно с реорганизацией Якутского полка и в связи с ней находившиеся в Анадырской партии, на Камчатке, в Якутском и Охотском ведомствах офицеры и солдаты, «коих по последним табелям показано»

610 чел., были исключены из списков своих частей, их предписывалось «числить особою Камчадальского и других отдаленных сибирских мест командую», которая впредь должна была комплектоваться рекрутами [Зуев, 2003. С. 97]. В результате этих нововведений был создан особый воинский контингент, общее начальство над которым вручалось командиру Анадырской партии. В 1759 г. в этом контингенте насчитывалось 513 чел., из них в Анадырском – 148, в Ямском – 133, камчатских – 121, в Охотском – 15, в Алазейском и колымских острогах – 96 чел.¹⁶

В целом, к концу 1750-х гг., по нашим подсчетам, в сибирских регулярных частях значилось около 7 тыс. солдат и офицеров.

Во второй половине 1750-х гг. резко обострились отношения России с маньчжурским Цинским Китаем. Цинские войска, разгромив в 1755–1758 гг. Джунгарию, вышли к российским границам на Алтае. Горный Алтай превратился в объект территориального спора между Россией и Китаем. В это же время участились набеги монголов (хара-цириков) на русские пограничные караулы и деревни в Забайкалье, а российская сторона предприняла попытки организовать судоходство по Амуру (деятельность «Секретной Нерчинской экспедиции») и рассматривала планы аннексии Северной Монголии – Халхи, подчинявшейся Цинам. В 1756 г. «зенгорцы» (жители бывшей Джунгарии) в массовом порядке были приняты в российское подданство. В 1757 г. российское правительство отказалось выдать Китаю Амурсану, одного из организаторов освободительной борьбы джунгар против маньчжуров, а также своих новых подданных – джунгар и алтайцев. Цинское правительство в свою очередь отказало России в просьбе разрешить плавание русских судов по Амуру [Гуревич, 1983. С. 102–160; Моисеев, 1998. С. 149–168; Боронин, 2004. С. 162–167; Беспрозванных, 1986. С. 103–108].

Угроза войны с Китаем заставила российские власти обратить внимание на «умножение войск на сибирской границе» и фортификационное укрепление самой границы. Еще в начале 1750-х гг. сибирский губернатор В. А. Мятлев предложил пере-

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 524.

¹³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Ч. 2. Л. 179 – 185 об.; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 6. Д. 4068. Л. 38 об., 43.

¹⁴ См.: РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1258. Ч. 1. Л. 43–45.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 – 35 об., 40 – 41 об., 44 – 49 об., 331–334; Д. 4. Л. 2 об., 3; Д. 46. Л. 1 – 11 об.

¹⁶ Там же. Ф. 248. Оп. 113. Д. 880. Л. 17 – 20 об. См. также: РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 5. Л. 17 об.

вести в Забайкалье на постоянное жительство до 1 500 сибирских казаков с семьями. Сенат согласился было с этим и даже издал соответствующий указ (от 18 августа 1754 г.)¹⁷. Однако вскоре данное решение было отменено. В 1756–1757 гг. упоминавшийся В. В. Якоби неоднократно подавал в вышестоящие инстанции проекты усиления обороны Забайкалья. Он предлагал построить крепости по Амуру, сформировать дополнительно к имевшимся в Забайкалье регулярным частям 4 пехотных полка и перевести с западно-сибирских линий 5 тыс. «выписных» казаков. На случай войны с Китаем Якоби считал необходимым иметь в Забайкалье 30 тыс. регулярного и 5 тыс. нерегулярного войска «с надлежащею артиллерией». Военная коллегия, затем Коллегия иностранных дел в 1757 г. поддержали проект Якоби. Сенат, заслушав мнения военного и внешнеполитического ведомств и согласившись в целом с увеличением войск на забайкальской границе, остановился на проекте сибирского губернатора Ф. И. Соимонова как более реальном и осуществимом. Ф. И. Соимонов в своем донесении в Сенат от 9 марта 1759 г. предлагал сформировать 4 конных ландмилицейских полка из «выписных» казаков, набранных из государственных крестьян Томского и Кузнецкого уездов, и один тысячный регулярный полк на базе 4 рот, взятых из полков, находившихся в Западной Сибири («армейских драгунских Луцкого и Олонецкого, да гарнизонных Сибирского и Новоучрежденного полков»), добавив к ним 400 иркутских и енисейских казаков, а если не хватит – то посадских и цеховых Енисейска и Иркутска. Полки должны были дислоцироваться вдоль забайкальской границы [Зуев, 1994. С. 26, 27; Быконя, 1985. С. 180, 181].

Семнадцатого октября 1760 г. Сенат утвердил проект Ф. И. Соимонова. В 1762 г. был сформирован и переведен в Забайкалье конный ландмилицейский полк, названный Якутским. Однако 18 февраля 1763 г. указом Сената формирование остальных полков было прекращено из-за отсутствия денежных средств и необходимых запасов провианта [Зуев, 1994. С. 27]. Но уже вскоре, 29 ноября 1763 г., Екатерина II согласилась с предложением Сената и Военной коллегии о формировании и переводе в Вос-

точную Сибирь одного конного карабинерного и 5 пехотных полков. Местами их дислокации определялись Иркутск (3 пехотных полка), Селенгинск (2 пехотных полка) и Нерчинск (один конный полк)¹⁸ [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 16. № 11979. С. 436]. В 1764 г. в исполнение намеченного были сформированы только два двухбатальонных пехотных полка – Томский и Селенгинский, а Якутский конный ландмилицейский преобразован в 10-ротный карабинерный. За год до этого из двух рот Тобольского пехотного полка и двух капральств Екатеринбургской стражи была создана Нерчинская заводская команда. Одновременно предпринимались меры по усилению вооруженных сил в Западной Сибири. В 1762 г. из одной драгунской роты Новоучрежденного полка и 4 пехотных рот Енисейского полка, находившихся в Колывано-Воскресенском горном округе, была учреждена Колывано-Воскресенская заводская команда (в 1763 г. 646 чел.), преобразованная в 1764 г. в горный батальон, имевший статус полевого. К 1765 г. на западно-сибирские линии из европейской части страны перевели три 12-ротных драгунских полка (в каждом – 10 рот драгун и две роты гренадер) – Троицкий (находился здесь уже с 1758 г.), Азовский и Ревельский. В 1764 г. Новоучрежденный полк переименовали в Колыванский, а драгунские полки из категории гарнизонных перевели в полевые. С 1763 г. в сибирских губернских городах для выполнения полицейско-караульных служб стали создаваться штатные губернские роты, а в прочих городах – уездные городские команды, которые, однако, подчинялись не военным, а гражданским властям¹⁹ [Висковатов, 1899. Ч. 4. С. 11, 15, 20, 33, 45; Быконя, 1985. С. 182, 183, 193; Зуев, 1994. С. 28; Пережогин, 2005. С. 91, 92; Андрейчук, 2011. С. 40].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют определить общую численность регулярных войск в Сибири в результате их передислокаций в первой половине 1760-х гг. Удалось установить, что в Забайкалье в это время находилось около 3,5 тыс. регулярных чинов [Зуев, 1994. С. 28], в том числе (согласно полковым спи-

¹⁷ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Ч. 2. Л. 176.

¹⁸ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 193. Л. 14 – 18 об.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 266. Л. 3, 3 об.

¹⁹ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1030. Л. 2; РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 193. Л. 6 об. – 7 об.; Ф. 248. Оп. 113. Д. 266. Л. 5, 5 об.

скам за июнь 1763 г.) в Якутском конном полку – 833, в Якутском пехотном – 1 736²⁰. На крайнем Северо-Востоке Сибири к 1763 г. насчитывалось 412 чел.²¹ В Западной Сибири на пограничных линиях, по данным Военной коллегии, в 1765 г. располагались 5 141 чел., в том числе на Колывано-Кузнецкой линии – 916, на Иртышской – 2 612, на Новой Сибирской – 1 613²², все они принадлежали к драгунским полкам [Путинцев, 1891. С. 48]. По подсчетам А. Ю. Огурцова, численность гарнизонных войск (двух драгунских, Енисейского и Тобольского пехотных) и одного батальона к 1765 г. в Западной Сибири составляла 4 640 чел. [Огурцов, 1989. С. 22]. Но из Тобольского полка одна рота, по данным 1762 г., квартировала в Забайкалье в Аргунском остроге²³. Кроме того, в крепостях Ямышевской, Семипалатной, Омской, в городах Тобольске, Селенгинске, Иркутске и Нерчинске дислоцировались артиллерийские гарнизонные команды, в которых в 1762 г. насчитывалось 286 чинов²⁴.

К середине 1760-х гг. стало ясно, что реальной угрозы войны с Цинской империей не существует, хотя напряженные отношения с ней сохранялись. С этого же времени правительство в деле укрепления обороны сибирских границ сделало акцент на реорганизации сибирского казачества: началось формирование казачьих войск на юге Западной Сибири и в Забайкалье [История казачества..., 1995. С. 50–52]. В 1764 г. все пехотные гарнизонные полки в Сибири были расформированы и на их базе созданы пограничные гарнизонные батальоны: 1, 2 и 3-й Тобольские (дислокация: Тобольск, Тюмень, Тара), Томский (Томск, Красноярск, Нижнеудинск), Иркутский (Иркутск), 1-й и 2-й Селенгинские (Селенгинск, Удинский острог, Кударинская и Акшинская крепости). К 1770 г. из Сибири вывели Томский и Селенгинский полевые пехотные полки [Висковатов, 1899. Ч. 4. С. 33; Быконя, 1985. С. 183]. В 1764 г., в связи с прекращением военных действий с чукчами и коряками, была упразднена Анадырская партия, ее чи-

ны к весне 1771 г. раскассированы по гарнизонам Гижигинской и Нижнеколымской крепостей²⁵.

С 1760-х гг. усилились набеги киргизкайсаков на приграничные русские и ясачные поселения в Западной Сибири и на Южном Урале. В 1771 г. около 170 тыс. волжских калмыков откочевали из российских пределов в Китай. С 1770-х гг. возникла угроза иностранного (английского и французского) проникновения на Камчатку и Чукотку. Все это вновь заставило правительство заняться укреплением границ. К этому времени костяк регулярных войск в Сибири составляли 7 гарнизонных батальонов, один карабинерный и 8 драгунских полков. Кроме того, имелось несколько артиллерийских рот и полурот, губернских и городских команд, горные батальон и команда. Небольшие пехотные подразделения располагались в гарнизонах северо-восточных крепостей и острогов [Словцов, 1995. С. 567; Альбовский, 1902. С. 8].

В августе 1771 г. императрица Екатерина II утвердила проект Военной коллегии, согласно которому для оперативных действий на границе создавались легкие полевые команды – когорты, состоявшие каждая из пехоты (мушкетеры и егеря), кавалерии (драгуны) и артиллерии (всего 556 чинов по штатному расписанию). Кроме того, к имеющимся семи батальонам предполагалось добавить еще пять, разместив их в пограничных крепостях. В ходе реорганизации карабинерный и драгунские полки были частью раскассированы по когортам, частью по формируемым гарнизонным батальонам. Созданные семь когорт расположились в Селенгинске, Красноярске, Кузнецке, Омской, Ямышевской, Усть-Каменогорской и Св. Петра крепостях [Словцов, 1995. С. 568; Альбовский, 1902. С. 14–17; Быконя, 1985. С. 184; Андрейчук, 2011. С. 41]. В 1771 г. Нерчинская заводская команда была развернута в горный батальон²⁶.

Когорты были созданы не только в Сибири, но и в европейской части России. Однако русско-турецкая война 1768–1774 гг. и народное восстание под руководством Е. Пугачева 1773–1775 гг. показали низкую эффективность их применения в боевых

²⁰ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–6.

²¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 528. Л. 1, 2, 94, 95.

²² РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 937. Л. 123 – 129 об.

²³ ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 89. Л. 277 – 279 об., 284 – 285 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–3.

²⁵ Там же. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 72 – 77 об.

²⁶ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1030.

действиях. В начале 1775 г. они были повсеместно ликвидированы. В Сибири из упраздненных когорт создали полевые егерские и мушкетерские батальоны и 10-эскадронный драгунский полк. Последний в 1777 г. был назван Сибирским [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 20. № 14562. С. 484, 485; Альбовский, 1902. С. 18; Бескровный, 1958. С. 312].

В результате преобразований и передислокаций 1760-х – первой половины 1770-х гг. состав сибирских регулярных частей заметно изменился, в нем стала преобладать пехота, тогда как кавалерия оказалась представлена всего одним полком. По данным середины 1780-х гг., в Западной Сибири на пограничных линиях располагались Сибирский драгунский полк (9 эскадронов), Петропавловский, Семипалатинский, Бийский и два Омских гарнизонных пехотных батальона, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский мушкетерские полевые батальоны, гарнизонные артиллерийские команды (всего – 7 104 чел.)²⁷. Кроме того, на линиях стояли 1-й и 2-й Сибирские егерские батальоны. Три гарнизонных батальона дислоцировались в Тобольске, Тюмене и Таре, Колывано-Воскресенский горный батальон – в Барнауле. В Восточной Сибири в эти же годы числились: в Красноярском уезде – Томский гарнизонный батальон; в Иркутском уезде – Иркутский гарнизонный батальон и артиллерийская полурота (всего 815 чел.); в Забайкалье – один эскадрон Сибирского драгунского полка, Екатеринбургский полевой батальон, два Селенгинских гарнизонных батальона, две артиллерийские полуроты (всего – 2 468 чел., из них 986 – на границе по крепостям и караулам)²⁸ [Быконя, 1985. С. 186; Зуев, 1994. С. 34]. В Нерчинском горном округе стоял Нерчинский горный батальон. В Охотско-Камчатском крае по крепостям и острогам были распределены отдельные гарнизонные команды (626 чел.)²⁹. Помимо названных частей и подразделений в сибирских городах и уездах караульно-полицейскую службу несли 25 штатных городских рот и команд. Всего общая численность регулярных войск в Сибири в се-

редине 1780-х гг. по приблизительной оценке составляла около 13,5 тыс. чел.

В конце 1786 г. началось формирование еще одного 10-эскадронного драгунского полка – Иркутского. В 1787 г. его эскадроны были размещены на Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиях, один эскадрон (перечисленный из Сибирского полка) стоял в Забайкалье. К 1790 г. полк был полностью укомплектован до штатной численности в 1 882 чел. [Альбовский, 1902. С. 35, 67, 70]. В 1785 г. в Западную Сибирь вновь был направлен и в 1786 г. дислоцирован на Пресногорьковской (Ново-Ишимской) линии Ширванский мушкетерский двухбатальонный полк [Столетие..., 1902. С. 206].

В конце XVIII в. в ходе военной реформы Павла I регулярные части в Сибири подверглись очередной реорганизации, меняя при этом свой состав, названия и штатную численность. В 1796–1797 гг. в Западной Сибири были сформированы Томский двухбатальонный мушкетерский и два егерских двухбатальонных полка (№ 19 и 20), а в Забайкалье – Селенгинский двухбатальонный мушкетерский полк. В 1797 г. все регулярные части, расположенные в Сибири, вошли в состав 12-й (Сибирской) инспекции. С января 1797 г. гарнизонные, а с октября 1798 г. полевые полки российской армии стали именоваться по фамилиям их полковых командиров. Одновременно сибирские гарнизонные батальоны формально были сведены в полки [Альбовский, 1902. С. 100; Материалы для истории..., 1896. С. 5–7; Висковатов, 1899. Ч. 7. С. 5–42; Столетие..., 1902. С. 302, 303; Андриевич, 1889. Ч. 1. С. 75, 76, 79, 80, 89; Леонов, Ульянов, 1995. С. 267, 278]. Это объединение выражалось в том, что у них появились полковые командиры. Но фактически каждый батальон оставался самостоятельной войсковой частью. В 1798–1799 г. был сформирован однобатальонный гарнизонный полк, предназначенный для службы в Охотско-Камчатском крае [Висковатов, 1899. Ч. 7. С. 42] (в 1797 г. здесь в гарнизонных командах Охотска, Тауйского и Ямского острогов, Гижигинской и Тигильской крепостей, Большерецка, Верхне- и Нижнекамчатска, Петропавловского порта насчитывалось 345 регулярных чинов³⁰). В 1801 г. (уже при Александре I) объедине-

²⁷ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 371; АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 6. Л. 52 – 53 об.

²⁸ АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 5. Л. 6–11; Д. 6. Л. 53 об.

²⁹ Там же. Д. 5. Л. 6, 7.

³⁰ РГВИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 151. Ч. 2. Л. 309–311, 376.

ние части гарнизонных батальонов в полки было отменено, всем батальонам и полкам вернули «территориальные» наименования, а у егерских полков поменяли нумерацию (19-й стал 18-м, а 20-й – 19-м).

В начале XIX в. сибирские регулярные части дислоцировались по-прежнему преимущественно вдоль южно-сибирской границы. Их численность, по оценке С. В. Андрейчука, составляла 18 308 чел. [2010. С. 18]. В Западной Сибири располагались два 5-эскадронных полевых драгунских полка – Сибирский (на Пресногорьковской и Петропавловской пограничных дистанциях) и Иркутский (Ямышевская дистанция), три полевых мушкетерских полка (с 1802 г. – трехбатальонные) – Ширванский (Омская дистанция), Томский (Кузнецкая и Бийская дистанции) и Селенгинский (Усть-Каменогорская, Бийская и Бухтарминская дистанции), два полевых егерских (с 1802 г. трехбатальонных) полка – 18-й (Железинская дистанция) и 19-й (Пресногорьковская, Петропавловская и Ямышевская дистанции), один гарнизонный двухбатальонный полк – Тобольский (Тобольск), шесть гарнизонных батальонов – Тарский (Тара, в 1803 г. переведен в Томск и назван Томским), Омский (Омская крепость), Петропавловский (крепость Св. Петра), Семипалатинский (Семипалатная крепость), Железинский (Железинская и Ямышевская крепости), Бийский (Бийская крепость и Кузнецк), а также 10 артиллерийских команд (по пограничным крепостям и редутам) и Колывано-Воскресенский горный батальон (с 1802 г. – горная команда; Барнаул). В Восточной Сибири находились три гарнизонных полка – трехбатальонный Иркутский (два батальона в Иркутске и один, бывший Томский, – в Нерчинске), двухбатальонный Селенгинский (Селенгинск) и однобатальонный Камчатский (Охотск, Нижнекамчатск и Удский острог; в 1803 г. полк понижен в статусе до батальона), пять артиллерийских команд (Красноярск, Селенгинск, Нерчинск, Иркутск, Петропавловский порт на Камчатке) и Нерчинский горный батальон (Нерчинск). Кроме того, в сибирских городах и уездах числились 33 инвалидные роты, 27 инвалидных команд, 33 городовые штатные роты и команды³¹

[Материалы для истории..., 1896. С. 5; Альбовский, 1902. С. 99–106, 159; Висковатов, 1900. Ч. 10. С. 5, 10, 108–110; Путинцев, 1891. С. 84, 85; Андриевич, 1889. Ч. 1. С. 77, 80, 93, 94; Быконя, 1985. С. 51; Сгибнев, 1869. С. 45, 75, 77].

В 1806 г. в связи с неудачной войной с Францией последовало увеличение численности российской армии, в том числе за счет сибирских полевых частей. На формирование новых полков в европейской России они выделили до 30–40 % личного состава, а сами были пополнены рекрутами [Андриевич, 1889. Ч. 2. С. 104, 105; Андрейчук, 2010. С. 18]. В 1808 г. регулярные части, дислоцированные в Сибири, были сведены в 24-ю дивизию (с 1810 г. – 26-ю, с 1811 г. – 27-ю) [Висковатов, 1900. Ч. 10. С. 21; Андриевич, 1889. Ч. 2. С. 106]. В 1808–1811 гг. в преддверии ожидаемой новой войны с Францией из Сибири были выведены все полевые полки³² [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 31. № 24331. С. 335, 336; Андриевич, 1889. Ч. 2. С. 107]. Там остались лишь гарнизонные части – Тобольский двухбатальонный, Омский трехбатальонный (сформирован в 1809–1810 гг.), Иркутский двухбатальонный (сокращен из трехбатальонного в 1809 г.), Селенгинский двухбатальонный полки, Железинский, Бийский, Петропавловский, Семипалатинский, Томский и Камчатский (в 1812 г. расформирован) батальоны, Нерчинский горный батальон и Колывано-Воскресенская горная команда, шесть артиллерийских рот (дислоцированы подразделениями в Ямышевской, Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Бийской, Св. Петра, Железинской, Омской, Кузнецкой крепостях, Тобольске, Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Петропавловском порту на Камчатке), инвалидные и штатные роты и команды [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 30. № 23988. С. 1272; Висковатов, 1900. Ч. 10. С. 111, 112, 116; Андриевич, 1889. Ч. 2. С. 6; Сгибнев, 1869. С. 77]. В 1816 г. названные части, а также сформированные три новых батальона – Усть-Каменогорский (на базе упраздненного Томского батальона), Томский и Тобольский (выделенные из упраздненного Тобольского полка) – вошли в состав 30-й дивизии образованного Сибирского отдель-

³¹ См.: ОР РНБ. Эрм. собр. № 271 (Карта, представляющая расположение квартир сухопутных войск

Сибирской инспекции); РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1258. Ч. 1. Л. 11 об., 12.

³² РГИА. Ф. 1150. Оп. 1. 1810 г. Д. 32. Л. 82, 83.

ного корпуса внутренней стражи. К страже были причислены губернские и уездные штатные и инвалидные роты и команды, которые еще в 1811 г. перешли из гражданского в военное ведомство [ПСЗРИ-I, 1830. Т. 31. № 24486. С. 516; Т. 33. № 26426. С. 1013–1017; № 46453. С. 1042–1049; Висковатов, 1900. Ч. 10. С. 118, 137; Андриевич, 1889. Ч. 2. С. 106, 108, 109].

Обзор дислокации, состава и численности регулярных частей в Сибири на протяжении XVIII – начала XIX в. позволяет сделать следующие заключения. Регулярные части, вводимые в Сибирь или создаваемые на месте, располагались преимущественно вдоль южно-сибирской границы в целях усиления ее защиты. Однако в случае фронтального военного столкновения с азиатскими кочевниками или Китаем их было явно недостаточно для оборонительных действий, не говоря уже о наступательных. Даже во время наибольшего наращивания в Сибири вооруженных сил, к середине 1760-х гг., общая численность воинского контингента (с учетом казаков), расположенного вдоль границы, не превышала 30 тыс. чел. Протяженность же южно-сибирской границы от Урала до Амура составляла более 4 тыс. км. Регулярные части, среди которых преобладала пехота, были мало пригодны и для пограничной службы, в первую очередь для пресечения набегов кочевников – киргиз-кайсаков, джунгар, монголов. Даже кавалерия (драгуны и казаки) не успевала оперативно реагировать на набеги, пехота же вовсе была бесполезна [Gehrmann, Ogurcov, 1993]. Кроме того, многие военнослужащие занимались обеспечением своих частей продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, различными хозяйственными делами, в том числе хлебопашеством. Регулярные чины несли также караульно-полицейскую службу в сибирских городах и острогах, а офицерский состав выполнял административно-фискальные и судебные функции по отношению к местному населению. В силу этого значительная часть личного состава находилась не при полках и батальонах, а в длительных командировках в разных районах Сибири [Быконя, 1985. С. 188, 189; Дмитриев, 2009]. В систематических военных действиях регулярные подразделения, набранные из разных сибирских полков,

принимали участие только во второй половине 1740-х – 1750-х гг. на крайнем Северо-Востоке Сибири – против чукчей и коряков [Зуев, 2009. С. 101–156].

На территории Сибири мы наблюдаем действие тех же тенденций, что были характерны для процессов военного строительства в масштабах всей страны. Это подтверждается теми изменениями, которые происходили с дислоцированными здесь воинскими частями в рамках неоднократно проводившихся реорганизаций вооруженных сил. Вопросы военной безопасности Сибири никогда не оставались без внимания местных и центральных властей, хотя они и не всегда располагали надлежащими ресурсами для их решения. В целом, по нашему мнению, можно говорить о том, что малочисленные регулярные части в Сибири реально выполняли функцию опорных точек государственного контроля над населением и территорией, прежде всего в приграничных районах, тем самым способствуя укреплению имперской политической системы. Не редкие чиновники и не сибирские казаки, которые в этнокультурном отношении смешивались с «иногородцами», а солдаты и офицеры, одетые в мундиры, символизировали и олицетворяли присутствие в Азии Российской империи, они наглядно демонстрировали «азиатам» возможную российскую военную мощь. Это наше суждение носит предварительный и, возможно, дискуссионный характер. Но ясно одно: требуется развернутое и всестороннее изучение «армейской» темы на материалах Сибири, с акцентом на выявление той роли, которую сыграла регулярная армия в сибирском варианте империостроительства. Это, в свою очередь, позволит в полной мере проследить взаимосвязь развития армии как особого государственного института, с одной стороны, внутренней и внешней политики Российской империи – с другой.

Список литературы

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество: Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Акишин М. О. Армия, общество, колонизация (Тобольский драгунский полк на Ура-

ле в первой половине XVIII в.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 25–32.

Алферьев Н. П. Записная книжка 39-го пехотного Томского его императорского высочества эрц-герцога австрийского Людвига Виктора полка. Брянск, 1911.

Алферьев Н. П. Записная книжка 12-го Сибирского стрелкового его императорского высочества наследника цесаревича полка. Брянск, 1914.

Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902.

Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010.

Андрейчук С. В. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.

Андреевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1, 2.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958.

Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XIX в. Хабаровск, 1986.

Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2004.

Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990.

Висковатов А. В. Очерки истории Тобольского пехотного полка. СПб., 1854.

Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899–1902. Ч. 1–19.

Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск: В 30 т. Факсимильное издание 1841–1862 гг. СПб., 2007–2008.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XIX вв. М., 1983.

Демин Э. В. Полки селенгинские (Якутский гарнизонный, Селенгинский драгунский гарнизонный, Селенгинский мушкетерский, Селенгинский пехотный) // «Золотая россыпь» Селенгинска: Ист.-краевед. очерки. Улан-Удэ, 2010. Кн. 2. С. 99–119.

Дмитриев А. В. Первые армейские соединения на территории Сибири в эпоху военных реформ Петра I: история формирования Сибирского драгунского полка в конце XVII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 24–38.

Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008.

Дмитриев А. В. Гарнизонные войска русской армии на территории Сибири в правление Анны Иоанновны (1730–1740 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История. С. 11–19.

Дмитриев А. В. Состав и структура полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири середины XVIII века (1740-е годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 85–92.

Дмитриев А. В. К вопросу о причинах и обстоятельствах переброски на российские границы в Западной Сибири армейских частей в середине XVIII в. (1744–1745 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011а. С. 43–48.

Дмитриев А. В. Перевод полевых частей русской армии в Сибирь в 1744–1745 гг. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011б. Т. 10, вып. 1: История. С. 61–68.

Дмитриев М. Краткая хроника 39-го пехотного Томского его императорского высочества эрц-герцога австрийского Людвига Виктора полка, составленная по случаю исполнившегося 100-летнего юбилея. Лович, 1896.

Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1994.

Зуев А. С. Численность военнотружителей людей на северо-востоке Сибири в 1720–

1760-х гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVIII–XIX вв. (Ист.-археол. исслед.). Владивосток, 2003. Т. 4. С. 80–103.

Зуев А. С. Штатная реформа сибирского казачества 1737 года // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 22–27.

Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск, 2009.

История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1.

Исупов С. Ю. К вопросу о расселении оставших военнотружеников по Кольванско-Кузнецкой укрепленной линии во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 289–293.

Кауфман А. О. Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 5–11.

Крылов И. А. Памятка 43-го Сибирского полка. 1711–1911. Омск, 1911.

Кузнецов Н. А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108–139.

Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. М., 1995.

Малолетко А. А., Малолетко А. М. Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск, 2001.

Материалы для истории 41-го пехотного Селенгинского полка. С 29 ноября 1796 по 29 ноября 1896 г. Луцк, 1896 (репринт: СПб., 2008).

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. М., 1989. Кн. 1.

Менциков В. В. Воинские ресурсы Южного Зауралья в середине XVIII в. // Земля Курганская. Курган, 1994. Вып. 7. С. 79–81.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. Барнаул, 1998.

Огурцов А. Ю. Численность гарнизонных войск в Сибири до 1765 г. // Материалы XXVII Всесоюз. науч. студ. конф.: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1989. С. 21–22.

Огурцов А. Ю. Штатная реформа 1736–1737 гг. и служилые казаки Западной Сибири // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 69–79.

Пережогин А. А. Военизированная система управления Кольванско-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 г. СПб., 2001.

[Плескановский]. Краткая история 39-го пехотного Томского е. и. в. эрцгерцога Людовика Виктора полка для нижних чинов. Варшава, 1887.

Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867.

Полное собрание законов Российской империи: Собр. I (ПСЗРИ-I). СПб., 1830. Т. 9, 10, 20, 30, 31, 33.

Пузанов В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. 25 с.

Пузанов В. Д. Строительство вооруженных сил на юге Зауралья (50-е гг. XVII – 20-е гг. XVIII вв.) // Зауралье в панораме веков. Курган, 2000. С. 50–75.

Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб., 2010.

Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. М., 1990. Т. 2.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сб. СПб., 1869. Т. 103. № 7.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

Соколовский М. М. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911. Барнаул, 1911.

Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 4: Главный штаб. Ч. 1, кн. 1.

Фабрика Ю. А. Сибирский щит (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001.

Gehrmann U., Ogurcov A. Russlands Frontier in Westsibirien. Zur Geschichte der Linien-Kosaken im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für

Geschichtswissenschaft. 1993. Bd. 41: Jahrgang. № 5. S. 399–410.

Материал поступил в редколлегию 08.09.2011

A. S. Zuev, A. V. Dmitriev

**REGULAR ARMY TROOPS IN SIBERIA THROUGH 18TH AND START OF 19TH CENTURY:
STRENGTH, PERSONNEL, STATIONING**

The article contains analytical overview of strength, personnel and stationing scheme of Russian regular army units in Siberia through 18th and start of 19th centuries. This overview is published for the first time in historiography. Basing on wide range of archive sources and literature, the authors reveal some factors determining dynamics of these troops.

Keywords: Russian army; Siberia; 18th century.